

Patrich J. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries. Washington, 1995. Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University. 420 p., 80 ill.

В последнее время вышли в свет сразу две крупные работы, посвященные палестинскому монашеству. Эта книга Й. Хиршфельда “Монастыри Иудейской пустыни в византийский период”¹ и рецензируемая монография Й. Патрича. Книги эти разные по своему характеру и как бы дополняют друг друга. Й. Хиршфельд дал общую, в известной мере статичную картину палестинского монашества в период существования Византийской империи. Й. Патрич задался целью определить вклад Саввы Освященного в историю православного монашества Палестины. Для этого ему пришлось рассмотреть, что представляло собой это движение до появления в его среде Саввы, проанализировать деятельность этого подвижника, определив его роль и место в современном ему монашестве, а также изучить последующее развитие палестинского монашества. Кроме того, автор счел необходимым сопоставить особенности монашества Палестины с монашеством Египта, Сирии и Малой Азии, дабы проследить истоки возможного влияния, исходившего из этих регионов. В результате Й. Патричу удалось создать более динамичную картину палестинского монашества в его эволюции и трансформации.

Глава палестинского монашества Савва Освященный бесспорно принадлежит к числу тех выдающихся исторических личностей, влияние которых было ощутимо не только в тот период, когда проходила их редкостная по масштабу, энергии и значению деятельность, но и многие века спустя.

Внушительная монография Йозефа Патрича вполне соответствует удивительной личности Саввы. Она обширна, глубоко фундирована, богато иллюстрирована и превосходно издана. Книга является результатом многолетнего

труда ученого, начавшегося в ходе археологических раскопок в 1981–1982 гг. в области монастыря мар Сабы и прилегающей к нему области. Раскопки были проведены на обширной территории 10 × 10 км². Были исследованы руины шести возведенных Саввой монастырей. Это позволило Й. Патричу как бы погрузиться в эпоху, когда жил Савва. Превосходное знание мест, где проходила деятельность Саввы и его сподвижников, дало возможность автору глубже ощутить особенности монашеской жизни в Палестине, известной по другим памятникам. Здесь уместно отметить другое важное качество Й. Патрича – тщательное исследование им письменных источников: законодательных, нарративных, эпиграфических и, конечно же, агиографических, в первую очередь “Жития св. Саввы” Кирилла Скифопольского. Органичное сочетание данных археологических и письменных источников составляет несомненное достоинство рецензируемой монографии.

Книга содержит пять частей: I. Введение. II. Строительная деятельность Саввы и его учеников; III. Савва как игумен и монастырский законодатель; IV. Савва как церковный лидер; V. Последователи Саввы. Первая часть состоит из двух глав: 1. Монашество в Палестине до Саввы; 2. Восточное монашество: а) Гора Нитрийская, Кельи и Скит; б) Киновии Пахомия; в) Сирийское монашество; г) Киновияльные монастыри по Василию; д) Монашеское движение по законодательству Юстиниана. При всем том, что исследователь рассматривает эти главы как вводные ко всей монографии, они играют в ней весьма важную роль, ибо благодаря изложенному в них материалу можно представить себе, как зарождалось и эволюционировало монастырское движение и сколь разнообразным оно было в начальный период своего существования.

Изучение истории монашеского движения, а также жизненного пути

¹ Hirschfeld Y. The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. New Haven; London, 1992.

Саввы, родившегося в Каппадокии и воспитанного в одном из тамошних монастырей, а затем побывавшего во многих монастырях, в том числе и в Египте (с. 37–48), привело автора к выводу о том, что в палестинских лаврах и киновиях, основанных Саввой, имело место сочетание антониевой системы Нижнего Египта с каппадокийской (Василия Великого)², в то время как соседствующая с Палестиной Сирия не оказала на его монастыри существенного влияния. Для монастырей Саввы был характерен умеренный аскетизм, небольшая численность его обитателей и не слишком тяжелый физический труд (с. 47–48). Видимо, именно эти черты обеспечили долгую жизнь и процветание Саввовым монастырям, особенно его Великой лавре.

Вторая часть монографии (с. 56–161) посвящена строительной деятельности Саввы и его сподвижников. В гл. 1 подробным образом исследуются Саввовы лавры: Великая лавра (483), Новая лавра (507), Гептастом (510), Лавра Иеремии (конец 531 г.), лавры учеников Саввы: Фирмин, Башни, Нелькероба. В гл. 2 рассмотрены киновии Саввы: монастырь Кастеллий (492), Малый киновий (493), Пещерный монастырь (508), монастырь Схолярия (509), монастырь Занна (511), монастыри, расположенные возле р. Гадары и неподалеку от Никополя, а также киновии, основанные его учениками и те, которые оказались в сфере его влияния (киновии Евфимия и Феоктиста). Кроме того, были исследованы отдельные кельи анахоретов, в том числе пещера Саввы, находившаяся за пределами киновии Феоктиста.

И по объему (она занимает около трети всего изложения), и по сути эта часть монографии является особенно важной и ценной. Представленный в ней материал исходит из первых рук и отличается новизной и оригинальностью. Здесь дается полное и подробное описание проведенных раскопок, сделан тщательный анализ полученных ре-

зультатов. Автор уточняет датировки и локализации лавр и монастырей, приводит их планы, часто впервые. Это особенно важно для Великой лавры, которую ранее исследователи полностью отождествляли с современным монастырем мар Сабы. Й. Патрич убедительно доказал, что существующий ныне монастырь мар Сабы составлял лишь сердцевину Великой лавры, в то время как вся ее территория была значительно больше, включая в себя область, называемую предшествующими исследователями “участками за пределами лавры”. В монографии опубликован и первый подробный план Великой лавры (ил. 80).

Своего рода сенсацией можно назвать выводы автора относительно монашеских келий. В то время как в киновиальных монастырях помещения для пребывания монахов были вполне скромными, в лаврах, особенно в Великой лавре, дело обстояло иначе. Исследовав около 40 келий Великой лавры, Й. Патрич пришел к выводу, что во многих случаях слово “монашеская келья” не подходит для обитателей аскетов (с. 84), ибо обычно эти помещения представляли собой сложный, нередко состоявший из двух уровней, просторный комплекс даже тогда, когда они были предназначены только для одного монаха. (В лаврах бывали помещения, рассчитанные на двух-трех человек: монаха и его ученика, либо монахов, состоявших в родстве, или соплеменников.) Эти комплексы, помимо собственно жилых помещений, включали в себя цистерну для воды, нередко не одну. Но самая любопытная деталь заключается в том, что в ряде комплексов имелись собственные молельни, если не щедро, то достаточно хорошо украшенные, с фресками и мозаичными полами. Да и в самих помещениях были мастерски выполненные гипсовые или мозаичные полы, правда, без рисунка, но просто белые (с. 87). В результате, заключает автор, жизнь монахов в Великой лавре, хотя ее и нельзя назвать богатой, не была бедной и, отнюдь, не соответствовала свидетельствам Кирилла Скифопольского, т.е. автора “Жития св. Сав-

² Ср.: *Олтаржевский Ф.* Палестинское монашество с IV до VI века. СПб., 1896. С. 134–135.

вы” о скромности и обуздании монахов самих себя. Иными словами, археологические находки, дающие более достоверные сведения о монашеском быте, нежели письменный источник, находятся в известном противоречии с ним в том, что касается житейских потребностей значительного числа монахов Великой лавры (с. 106).

Впрочем, как справедливо отмечено Й. Патричем, просторные кельи с собственными молевыми были обнаружены в ходе раскопок и в Египте. Здесь подобные кельи принадлежали выходцам из богатых слоев населения (с. 128). Что касается Великой лавры Саввы, то Й. Патрич склонен объяснять этот феномен данью уважения к особо почитаемым монахам (с. 106). Исследователь руководствуется в данном случае правилом, согласно которому игумен определял, в какой келье какому монаху обитать. На наш взгляд, однако, параллель с Египтом была более тесной, и имущественный статус человека до принятия им монашеского сана играл, по всей видимости, здесь определяющую роль. Конкретные примеры, которые приводит Й. Патрич (с. 106–107 и примеч. 17), также свидетельствуют об этом³.

Часть третья состоит из пяти глав. Гл. 1 посвящена системе управления Великой лавры и других Саввовых монастырей. На основе тщательного терминологического анализа источников, в первую очередь, “Жития св. Саввы” Кирилла Скифопольского, рассматриваются такие важные должности, как игумен, управляющий (*διοικητής*), эконом и вторствующий. Автор отмечает, что главы различных монастырей имели

разные названия, а термин “игумен” Кирилл Скифопольский предпочитал употреблять в первую очередь по отношению к самому Савве, таким образом, по всей видимости, подчеркивая его особый статус и подчиненное положение по отношению к нему глав других монастырей. В связи с этим представляется дискуссионным заключение Й. Патрича о возможной синонимичности терминов *ἡγουμενία* и *ἡγεμονία* (с. 172–173). Скорее всего термин *ἡγεμονία* означал главенство над монастырем в широком смысле слова, тогда как слово *ἡγουμενία* являлось вполне конкретным, “техническим” термином.

В гл. 1 имеются разделы о должностных лицах, связанных с поддержанием чистоты, приготовлением пищи, обеспечением водой, собиранием даров и т.д., а также о каллиграфе, когда речь идет об организации переписки рукописей и способа их хранения, т.е. библиотеки, в частности библиотеки Великой лавры. Рассматриваются и церковные должности монастырских церквей, в первую очередь церкви Великой лавры (с. 189–192). Й. Патрич касается также экономики монастырей Саввы (с. 194–195), показывая, что Саввовы монастыри не являлись центрами ремесла или сельского хозяйства, главным образом обеспечивая собственные нужды. Широкое строительство и поддержание монастырей осуществлялось за счет пожертвований, большая часть которых исходила от императора, патриарха и священников. Частные пожертвования были невелики. Этот вывод Й. Патрича важен не только для исследования специфики ранневизантийских монастырей, но и для изучения социальной истории Византии, особенно верхних слоев ее общества, ибо он, на наш взгляд, является очевидным свидетельством не столько малого благочестия в среде ранневизантийской аристократии, от которой в первую очередь следовало бы ожидать богатых пожертвований монастырям, сколько об ограниченных средствах, которыми она обладала.

Гл. 2 (с. 197–202) посвящена анализу двух крупных волнений монахов, направленных против Саввы и имевших

³ Ср.: *Diehl Ch. Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. P., 1901. P. 515.* См. также: *Beck H.-G. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz // REB. 1966. T. 24. P. 23.* Обе эти работы не попали в список трудов, использованных автором. Это относится и ко многим российским исследованиям, в частности, изданию И. Помяловского “Жития св. Саввы Освященного” (СПб., 1890), хотя оно указано в изданном А. Кажданом “Oxford Dictionary of Byzantium” (Vol. 3. P. 1823), упомянутой уже работы Ф. Олтаржевского “Палестинское монашество с IV с VI века” и многих других.

место в 486–490 и 503–506 гг. Й. Патрич рассматривает эти волнения в контексте складывания определенного монастырского образа жизни. Между тем этот раздел интересен тем, что он недвусмысленно свидетельствует о наличии различных социальных элементов в среде монашества, не просто сельского или городского, как заключает исследователь при анализе термина *γενηδες* (с. 198–199), которым обозначены недозрелые Саввой монахи, а людей благородных. Именно эти *γενηδες* отстаивали элементы культуры и образованности в монастыре, чему Савва активно противился (с. 199). Надо сказать, что вопрос о социальной природе монашества в книге не рассматривается, как вообще не ставится в ней проблема “монастыри и ранневизантийское общество”. Однако приведенный в книге материал позволяет по крайней мере, поставить вопрос, не являлись ли эти *γενηδες* выходцами из обедневших куриалов, потянувшихся в монастыри (факт известный по другим источникам) и там отстаивающих свою систему ценностей, насколько это позволяли условия монастырской жизни.

В гл. 3 (с. 203–228) исследуется распорядок жизни, занятия, пища, одежда монахов, порядок молений, особенности богослужения, пост и прочие правила, существовавшие в лаврах Саввы. Здесь подчеркивается, что Савва первым письменно оформил монастырские правила⁴ и внес большую организацию в среду палестинского монашества, позаботившись и о том, чтобы различные монастыри были больше связаны между собой. Автор также отмечает, что Савва как бы вдохнул в лавры новую жизнь, ибо до него уже появилась тенденция превращать лавры в киновиальные монастыри, что случилось, например, с лаврой учителя Саввы Евфимия. Савва придал новый импульс лаврскому монашеству, основав, помимо Великой лавры, ставшей центром всех палестин-

ских лавр, еще три. Глава состоит из следующих разделов: а) Правила Герасима для отшельников; б) Образ жизни в Великой лавре; в) Образ жизни в лаврах Харитона и Евфимия. В ходе сопоставления различных правил, исследователь пришел к выводу, что Савва создал Великую лавру не по образцу лавры своего учителя (лавры городского типа), но скорее по образцу лавры Герасима, расположенной в долине р. Иордан. Однако в отличие от лавры Герасима, размещенной вокруг киновий новоначальных, Савва вынес киновий послушников за пределы лавры. Впрочем тут, вероятно, следовало бы отметить, что это было связано не с первоначальным замыслом Саввы, а с особенностями постепенного складывания лавры, в которую с течением времени наряду с подвижниками стали являться люди мирские, желавшие отречься от мира⁵.

Гл. 4 этой части (с. 229–253) посвящена литургии в монастырях Саввы и других пустынных монастырях. Рассматривается цикл молитв по дням и неделям, а также отправление Евхаристии. Как новшество, привнесенное Саввой, отмечается введение им всеобщей с субботы на воскресенье.

Гл. 5 посвящена собственно типикону Саввы, введенному в научный оборот и тщательно исследованному еще А.А. Дмитриевским⁶.

В четвертой части монографии (с. 279–319) рассматриваются его функции как святого, анализируется деятельность Саввы как ревнителя за православие, в том числе в борьбе с оригенистами и монофиситами, исследуются его посольские миссии от Иерусалимской церкви к императорскому двору (при императоре Анастасии и Юстиниане). Здесь спорным представляется трактовка переговоров, которые вел Савва с Юстинианом после подавления восстания самаритян. Й. Патрич полагает, что Юстиниан предложил Савва ежегодный доход

⁴ По мнению Ф. Олтаржевского, первым письменным уставом был устав Харитона Исповедника, правила же Саввы лишь завершили складывание палестинского монашеского устава. См.: *Олтаржевский Ф.* Указ. соч. С. 36, 131, 137–139.

⁵ См.: Там же. С. 95.

⁶ *Дмитриевский А.А.* Киновийные правила преп. Саввы Освященного, врученные им пред кончину преемнику своему игумену Мелиту // Труды Киевской Духовной академии. 1890. С. 170–192.

(прободос) для его монастырей, от чего Савва мудро отказался, дабы не дать императору лазейки для порабощения им монастырей (с. 316); взамен подвижник попросил освободить на время от податей Первую и Вторую Палестину, восстановить сожженные и разрушенные в ходе восстания храмы, построить странноприимный дом в Иерусалиме, восстановить и украсить церковь Богородицы во святом граде, а также построить крепости для защиты монастырей. Уже само перечисление просьб, высказанных Саввой и явно исходивших от иерусалимского патриарха, определенно свидетельствует о следующем: средства, о которых он ходатайствовал перед Юстинианом (что, собственно, и являлось целью его миссии), значительно превышали прободос для его собственных монастырей, не говоря уже о самом слове прободос, означающем не ежегодный доход, а доход вообще и в данном контексте может быть понятым как дар для монастырей Саввы⁷. Скорее всего в начале переговоров Юстиниан, руководствуясь в тот момент финансовыми интересами, хотел ограничиться пожертвованиями для самого Саввы вместо того, чтобы выполнить целый ряд ходатайств Иерусалима, затем, однако, уступил. Что же касается порабощения императором лавр и киновий Саввы, то едва ли эта мысль занимала Юстиниана. Его законодательство, столь активно вмешивающееся в жизнь монастырей (см., например, Nov. 5, 7, 9, 123, 133 и др.), со всей очевидностью, свидетельствует о том, что ни в каких дополнительных атрибутах власти он не испытывал необходимости.

Пятая часть монографии посвящена последователям Саввы (с. 323–352). В ней рассматривается история Великой лавры со времени кончины Саввы до арабского завоевания, а также участие последователей Саввы в богословских спорах относительно оригенистов, монофелиов, filioque и иконоборчества.

В целом надо отметить, что автору удалось создать колоритный образ Саввы, превратившего Иудейскую пустыню

“в город монастырей” и дать достаточно целостную картину православного палестинского монашества конца V–середины VII в. Нельзя не отметить, однако, что эта картина им несколько идеализирована: Й. Патрич сосредоточил свое внимание на упорядочении монастырской жизни, ее четкой организации, которую он связывает с именем Саввы. Между тем и из устава самого Саввы, и из новелл Юстиниана (см., например, Nov. 5, 7, 123, 133) вполне очевидно, что нарушение порядка в монастырской среде (брань, драки, даже воровство, общение с женским полом и, что особенно докучало византийским властям, своевольное покидание монастыря и затем возвращение в него по своему усмотрению) были еще весьма частым явлением.

Недостаточно полно, на наш взгляд, использовано в монографии законодательство Юстиниана, а порой оно цитируется неточно. Так, говоря о должности игумена монастыря, Й. Патрич ссылается на CJ I. 3. 29 (с. 33), т.е. на закон императоров Льва и Анфимия от 471 г. Между тем в тексте закона нет даже термина “игумен”; упомянуты здесь лишь апокрисиарии. В ином контексте, чем об этом сказано в монографии (там же), говорится об игумене и в пятой главе 133 новеллы Юстиниана (539).

Речь идет в данном случае об упорядочении далекой еще от идеала монастырской жизни, для чего предусматривается институт игуменства, обязательный отныне для каждого монастыря, а не об опасении императора, обусловленном возможным созданием “крупных центров власти внутри монашеского движения”.

Можно отметить и более мелкие неточности. Так, отсылка на статью Э. Штейна “Cyrille de Scythopolis: A propos de la nouvelle édition de ses oeuvres” дана на 52 том “Analecta Bollandiana”, а она напечатана в 62.

Эти и другие имеющиеся в монографии недостатки не снижают ее общего высокого уровня. Вне всяких сомнений, она займет достойное место в истории изучения ранневизантийского монашества.

А.А. Чекалова

⁷ Ср.: Олтаржевский Ф. Указ. соч. С. 113; Diehl Ch. Op. cit. P. 525.